

Майя дель Соле
И КРАТКОЕ КАК ЙОД

Майя дель Соле

И краткое как йод

«Издательские решения»

Майя дель Соле

И краткое как йод / Майя дель Соле — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835038-2

Многочисленные человеческие судьбы складываются в повести «И краткое как йод» в одну проникновенную историю любви представителей разных национальностей — об их мытарствах в эмиграции, об их честных мыслях относительно уклада жизни на чужбине и о мистике, которая и в 21 веке продолжает влиять на нашу жизнь.

ISBN 978-5-44-835038-2

© Майя дель Соле
© Издательские решения

Содержание

2015. Испания, Кадис	6
1900. На Амазонке	10
1995. Россия, Псковская область	13
2008. Италия, Неаполь	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

И краткое как йод Майя дель Соле

© Майя дель Соле, 2016

© Colin Prestage, дизайн обложки, 2016

Корректор Наталья Рая

ISBN 978-5-4483-5038-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

2015. Испания, Кадис

– Да ну тебя. Если уж выбирать меньшее из зол, то расти быком для корриды куда лучше, чем быком для бифштекса. Победил разок матадора – и вот уже пенсия где-то на прекрасной ферме. А в загоне, объевшись гормонов, особо не до героизма. Да и зачем он там? Чтобы раньше времени забили?

Мы развлекались философскими беседами на кухне какого-то забытого богом хостела на краю Андалусии, над которой, а заодно и над нами, вопреки вековым традициям уже вторую неделю издевалась небесная канцелярия. Было слышно, как в ведро, поставленное у стойки регистрации, то и дело постукивает дождь. Теперь понятно, почему сутки тут стоят всего 12 евро.

Вид этой то и дело опорожняемой жестяной тары и отметка в 15 градусов на термометре общей комнаты на шестерых меня настолько опечалили при заселении, что, усевшись прямо так, в куртке, на первый этаж двухъярусной кровати, я заплакала: отличный выбор отпускника из Северной Европы в период рождественских праздников. Осталось только их еще встретить с температурой.

Вдруг через туман слез вижу перед собой темнокожую руку, которая на манер фокусника раскрывает передо мной печеньки. Такие же, миндальные, покрытые белой глазурью, сейчас, неделями позже, припасены у нас к чаю.

– Это волшебное лакомство, *guara*,¹ превращает слезы в смех. – Произнес только что вошедший, по всей видимости, сосед по комнате, коверкая испанский. Широченно раскрывавшийся при этом рот и громкость выше среднего выдавали акцент выходца из бывшей французской колонии в Африке. Моя нетолерантная подруга таких называет просто: «шахтерами» (сами догадайтесь, почему).

«Пожалуйста, не говори по-английски: я не перенесу этого издевательства над языком», – подумала я, уже и позабыв про свою печаль.

– *Дэнькью, маай френд*. – Сама же зачем-то спровоцировала его перейти на английский, не сумев побороть желание передразнить африканский акцент.

– А-а-а, как у тебя здорово получилось, ха-ха-ха!

Убедившись, что «волшебство» начало действовать, он представился как бэкпекер. Об этом и так можно догадаться, ведь за спиной у парня был большущий тюк. Хотя в полном размере его рюкзак предстал, только когда с плеч отправился на пол: моя сумка весом 20 кг в сравнении с ним выглядела ручной кладью.

Внушительных размеров был и сам сосед: казалось, мощи ему добавлял даже цвет кожи – работника шахты, но по добыче не угля черного, а, скажем, урана *сильно-коричневого*. Настоящего своего имени он раскрывать не пожелал, сославшись на его сложность, попросил звать его Жаном (прибыл, мол, из Франции) и тут же перевел тему, дескать, почему *мадмуазель* сопли

¹ «Красотка» (исп.). Гуаро – красавец. Это в Испания очень распространенная форма людей обращения друг к другу.

размазывала. Я честно ответила: «От холода». Разве ради него я перлась сюда из Эстонии? Еле сдержав смех, он ушел и через некоторое время вернулся с двумя дополнительными пледами. Так я и спала две недели кряду аж под тремя одеялами.

О самом Жане удалось узнать только то, что он приехал в Кадис утром и вечером намеревается не изменять своей традиции: по прибытии в прибрежный город он всегда проводит одну ночь на пляже в палатке.

Неважно, что хлещет дождь, на море шторм, того и гляди вода подступит к набережной... Не самая комфортная температура и дыры в крыше хостела внезапно показались мне более чем приемлемыми условиями проживания. Я утерла слезы и предложила бэкпекеру чайку на дорожку.

Рассказав пару бак, он действительно отправился к морю и явился на следующий день совершенно здоровым и бодрым, чего точно нельзя было сказать обо мне, скоротавшей ночь, без конца сморкаясь и пытаясь замотать одеялом голову так, чтобы в нее не дуло от окна, но при этом слышать рассказы сумасшедшей старушки из Австралии, которая балаболила без умолку.

– Ой, дорогая, мой муж выбросился бы из окна, окажись он в таких условиях. Ты, кстати, в курсе, что горячая вода только по вечерам бывает? А Джон обожал плескаться по утрам... Он был привязан к домашнему комфорту и совсем не любил путешествовать. Меня дом без него не радует, вот я и пустилась в странствия, когда он умер...

И каждый раз представляю, как забавно он проклинал бы неудобную кровать или этот *mierda*²-кофе. Он точно крутил указательным пальцем у виска там, на небе, когда наблюдал за моей поездкой в одиночку по австралийским глубинкам: меня же укусил паук-красноспинка. Ой, да ничего страшного! Все закончилось хорошо, правда, врачи сказали, что еще бы час – и руку пришлось бы ампутировать. Ну-ну, дорогуша, от всего в жизни не застрахуешься.

А ее муж пытался: всю жизнь как раз-таки этим и занимался. Он был в команде страховщиков какого-то крупного арабского предприятия, которое приглашало докторов на дни здоровья для работников, и последних, как выяснилось, проверяли не только на сахар и холестерин. Самые дорогостоящие, как сейчас модно говорить, *нанотехнологии* использовали для того, чтобы выявить у человека печальные предрасположенности или уже имеющиеся серьезные заболевания, которые, начини сразу, можно было бы вылечить. Но цель была не в этом, а в том, чтобы застраховать работников именно от этого типа недугов и по их смерти получить огромные деньги.

– Джона сбила машина, когда он шел на работу. Знаешь, на какие средства я сейчас разъезжаю? На те, что выплатила страховая компания по статье «несчастный случай». Еще доказывать пришлось, что он под нее не сам бросился. *Какая ирония.*

Мне снились медбратья-мулаты, которые были на самом деле не медиками, а страховыми агентами. Пугая пауками, они заставляли меня подписать какой-то договор, а когда я начинала его читать, то мне на глаза падала белая тяжелая чалма, да так, что в какой-то момент она спустилась до носа, перекрыв доступ кислороду. Так я и проснулась, пытаясь высвободить голову из «чалмы», состоящей из многочисленных подушек и одеял.

² «Дерьмо» (исп.)

Ночью я рассказывала старушке свою историю, а теперь обнаружила записку. Синей пас-той на вырванном из блокнота светло-розовом листке было написано: «*Отпусти его*».

Женщина уехала, а Жан остался, и вот мы уже вместе бредем на рынок под дешевым зонтом в шотландскую клетку. Кажется, что от брызг меня больше защищает мощь нового знакомого, чем зонт. В рыбной лавке этот загадочный великан очень старается говорить по-испански: темнокожее лицо залила краска, взгляд стал детским, несколько беспомощным, и при таком раскладе широченные плечи выглядят совсем неуместно. Захотелось вдруг на них повиснуть. Ловлю себя на мысли, что впервые за долгое время чувствую себя спокойно. На меня вдруг обрушиваются все запахи и звуки этого рынка разом – все-таки я жива.

Вместо «мидии очень вкусные» он говорит «приятно познакомиться с мидиями», а потом подкалывает меня, когда в *tapas*³-местечке я вместо того, чтобы сказать «дайте вашу визитку», говорю «подпишите мне открытку». Потом мы час ржем, как два идиота, когда я рассказала ему историю, приключившуюся со мной много лет назад в Италии: вместо *un piatto delle cozze* («тарелка мидий») я попросила *un piatto dei cazzi* («тарелку х**в»). Официант тогда ошарашенно покачал головой, а я выпалила: «Ну как это нет, написано же, что у вас лучшие х*и в городе!».

И вот мы (точнее, Жан) уже на кухне хостела очищаем многострадалных моллюсков от песка и готовим соус из вина, лимона и базилика, хозяин заведения тем временем развлекает нас своими историями, отвлекаясь иногда на *сукин их де пута сын*, когда дождь заряжает особенно сильно.

– *Амигос*, в нашем городе 340 дней в году солнце, а вам достались остальные дождливые!

Он наливает винца – «для стимуляции аппетита к обеду» – и начинает не пойми с чего рассказывать, что Кадис сыграл важную роль в жизни десятков тысяч геев: во времена Франко они валили сюда отовсюду, чтобы перебраться по морю в Америку (в которую Колумб, кстати, отбывал от местных берегов). Дедок нашего хозяина был очень находчив и делал бабосы на гомосексуалистах: организовал поездку тем, у кого на нее были деньги, и использовал как дешевую рабочую силу («*не подумайте ничего плохого*») тех, у кого их не было. Мы с Жаном обмениваемся ухмылками победителей: по дороге на рынок мы как раз говорили, что в нашем хозяине, несмотря на наличие жены, есть что-то эгейское...

– Ладно, Маша, бог с ними, с быками, – негромко произносит Жан, и его голос подрагивает.

Как вообще у такого гиганта может дрожать голос? Сосед собирает ладонью со стола крошки от миндального печенья, и я, кажется, знаю, что он сейчас скажет.

– Все последние дни я только и думаю, что о твоём отъезде. Останься со мной. Давай продолжим путешествие вместе. Влюблен я в тебя. *Энаморадо*. Знаю, что тебе нужно время, но пусть оно лечит рядом со мной.

³ Любая закуска, подаваемая в баре к пиву или вину в Испании.

Утром я пью этот *mierda*-кофе, которым в аккомпанементе с сухарем и джемом обычно балуют средиземноморские хостелы, и рассматриваю оставленную две недели назад старушкой записку: на ней теперь синие разводы от стирки в кармане джинсов. Их купил мне когда-то Он – после того, как мои изорвала собака. Могла ли я тогда подумать, что заеду в них черт знает, куда без Него?

По пути на железнодорожный вокзал улыбаюсь тому, что дождливая пора, наконец, закончилась: надо выбросить зонтик, который мне в сумке совсем не в кассу. Достаю этот продукт китайского производства за два евро и вдруг понимаю, что он поедет со мной до самого дома и будет мне в итоге милее любого привезенного из этого путешествия сувенира.

Странное чувство. Я ведь и из Жана сделала сувенир.

Рано мне на корриду, *guano*. Мне удобнее в загоне без подвигов, *май френд*.

1900. На Амазонке

Голые мужские ноги ступают по джунглям. Черт, это же мои ноги, и это же я в мужском обличье пробираюсь сквозь заросли у берегов Амазонки. Судя по чернящей растительности, которая покрывает мое тело, меня легко можно принять за обезьяну.

Господи, что только ни творит потерявший любовь человек! Я вот аж до погружения в прошлую жизнь дошла. И она (или мое воспаленное воображение?) водит меня на лоне *реальной* природы под носом у крокодилов, а мимо моего собственного носа шныряют попугаи. Какие же они яркие, а как забавно перешептываются!

По размеру попугаи-говоруны раз в пять больше Кеши, который живет у моей нетолерантной подруги и знает одну только фразу: «Ты мне нравишься». Смотри-ка, этим я точно нравлюсь: совсем не бояться, а один – зеленый с синим лбом и желтой грудкой – примостился совсем рядом и прямо-таки в глаза заглядывает. Можете себе представить улыбающуюся птицу? Речь сейчас именно о такой.

Птицу точно такого же окраса, но грустную, я видела минувшим летом в отпуске в парке живой природы в Коста-Бланке в Испании. Попугай сидел в клетке неподвижно и смотрел в одну точку, а я с трудом сдерживала слезы от его вида, хотя особой нежности к птицам никогда не питала. Подруга тогда засняла этот эпизод на видео и теперь грозит выложить его на YouTube под заголовком «Маша и дергающаяся нижняя губа, или Птичку жалко».

Эту же амазонскую птичку жалеть точно не стоило: казалось, она была счастливее любого известного мне человека, и когда я отвечал на ее пристальный взгляд, она застенчиво прикрывала «личико» крылышком – показалось, или она правда хихикает?

И тут проводник по прошлой жизни, как назло, отвлекает меня своими расспросами о происходящем вокруг и вынуждает оставить попугаев, погружая еще глубже в прошлое, чтобы получить ответы на вопросы, за которыми я, собственно сюда и пришла.

Какими они могут быть у 30-летней свободной (читайте: одинокой) женщины? Дело, конечно, сердечное. А если точнее, то дело не идет. Сколько времени мне еще будут мерещиться эти карие глаза, и сколько еще ночей, чтобы уснуть, я буду представлять, как мою щеку нежно поглаживает жгуче-черная борода с просветами седины не по годам?

Ответ на этот вопрос я ищу сейчас здесь... вот уже на рынке, где держащая меня под руку женщина интересуется ценой одеяла из альпака. У моей спутницы смуглая, прямо как у Него, кожа, длинные черные косы, большие темные глаза и пухлые губы. Как же мне не хватает похожих губ, которые по утрам целовали, рассказывая, что на завтрак приготовлен лимонный пирог, а вечером сводили с ума жаркими прикосновениями под ритмы Реггетона.

На женщине белая рубаха, через которую видно соблазнительное очертание упругой груди. Другая часть одеяния – несколько разноцветных юбок разной длины, они совсем не полнят ее: женщина невероятно стройна, что здесь, похоже, редкость, потому как мужчины на нее сейчас так и смотрят, а во взгляде продавщицы читается зависть. Или, может, это все мне просто кажется, потому что... я влюблена... то есть *влюблен* в нее по уши.

Проводник спрашивает, кем мне приходится эта красотка. И я отвечаю, что женой, а находящийся рядом со мной ангел-хранитель – это же мой покойный дед Иван – объясняет мне, что ее душа впоследствии переселилась в того, кого я не могу выкинуть из головы в этой далекой от Латинской Америки жизни.

Последняя забавно закрутила нашу историю, дав Ему родиной тот же солнечный континент, меня же явив на свет на окраине бывшего Советского Союза. Ну, по крайней мере, теперь понятно, откуда во мне любовь ко всему, о чем в оригинале говорят на испанском.

Сознание погружает меня еще глубже – в момент встречи с Джиной в речном трамвайчике на Икитос, расположенный в джунглях город, хижина в джунглях поодаль от которого теперь уже была моим и ее домом.

Вот я вижу отца Джины, который велит держаться от нее подальше: чернорабочий с каучуковой плантации не пара выдающемуся орнитологу. Сама орнитолог так, кажется, не думала: сначала было уступила отцу, выйдя замуж за какого-то богача, а потом сбежала от него, и краски в нашей истории были такие же яркие, как крылья амазонских попугаев.

Фу, не думала, что могу быть настолько романтиком.

Они снова здесь: птицы смотрят на меня прямо-таки как люди, наклоня голову то на одну сторону, то на другую. Джина тем временем лечит их товарищу лапку и командует мне, что подать. Я осматриваюсь: тут есть птицы с обрезанными крыльями и с покореженными клювами. Жена рассказывает:

– Представляешь, они нашли новый способ увозить попугаев за моря: усыпляют их и засовывают в пластиковые бутылки. Конечно, это снотворное и для человека-то опасно, так что многие из птичек так и не просыпаются. Вот нашему новому постояльцу повезло: ему только крыло отрезали. Парнишка с рынка нашел его в мусорном баке и принес мне. Это все тот же парнишка, который ворует еще живых животных у шаманов и в лес возвращает... И долго еще эта страна будет живодерские традиции воспевать? Слушай, ну а новая мода вырывать клювы туканам, чтобы амулет из них потом сделать...

Джина продолжает возмущаться, а я смотрю на ее заботливые руки, и мое тело наполняется нежностью, а глаза – слезами: в последний раз я так остро чувствовала любовь много лет назад, когда мы с Ним показывали его сестренке мультим «Чебурашка и крокодил Гена», и он беззвучно произнес губами, что любит – *Te amo*.

Он звал меня Чебурашкой, а я его – Генкой, и позже, забываясь в чужих объятиях, мне не раз приходилось врать, отчего на моей спине вытатуирован крокодил с гармошкой. Его спину тем временем украсил неведомый в Боливии зверь с большими ушами. Хочется верить, что никому из засыпавших на его груди он не рассказал, что для него значил Чебурашка.

Неясно отчего, но вдруг все обрывается, и я остаюсь один под крышей какой-то хижины в джунглях. Идет дождь, но он не приносит истинной влаги, голова идет кругом от духоты и непонятно откуда взявшейся и разлившейся разом по всем венам боли. Тысячами тромбов она подступает к сердцу, которое готово сдаться без боя.

Джины больше нет.

Я начинаю буквально захлебываться в рыданиях, и проводник спешно выводит меня из состояния регрессивного гипноза.

1995. Россия, Псковская область

Мы маленькие с братом прыгали на кровати, когда прогремел взрыв и в нас полетели стекла: сосед решил самостоятельно провести газ, за что оплатился весь подъезд. Тогда мы еще не знали этого и забились под кровать в полной уверенности, что взрыв связан с нашим прыганьем, которое было родителями категорически запрещено. «Ни хрена прыгнули», – как большой прокомментировал братец.

В 90-е частенько по телевизору мелькали истории о взрывах в жилых домах: не то газ, не то теракт, не то еще чего. Помню, нередко я не могла заснуть из-за страха умереть, задохнувшись цементной пылью под тяжелыми обломками дома. Нас в тот день чаша сия миновала, чего не скажешь о соседе.

Рисковала и сестра: она в момент кульминации несчастья делала, сидя у окна, уроки, и осколки полетели ей прямо в голову, но она успела закрыть ее руками – в них со страшной силой и угодило разбившееся на мелкие куски стекло. Прибежавшие на крик мама с папой подумали сначала, что дело совсем плохо, ведь сестра держалась за голову окровавленными руками.

Вот этим эпизодом, как и поселившимся на нашем балконе семейством крыс, ознаменовался для меня семилетней переезд в российскую глубинку.

Туда мы, как и многие другие семьи со всего только что развалившегося Советского Союза, приехали, чтобы не помереть с голоду у себя на Родине, где люди бросались из окон, потому что не было работы. Или где их бросали из окон, потому что практиковали и такой бизнес. Здесь бояться было нечего, и доход был, да только через какое-то время сплыл – из-за девальвации рубля.

Сначала все шло нормально: в прихожей у нас стояло много банок сгущенки и тушенки, потом туда поставили мешок картошки, который казался очень большим. На завтрак пару штук, на обед да ужин – столько же, и вот уже серый пыльный мешок из грубой ткани почти пуст. Хлеб был праздником, а жареный, с расплавленным сыром, стал вообще пределом мечтаний.

До девальвации родители меня баловали: накопилось много кукол Барби, одежек да туфель к ним, ну и еще всякой всячины типа аудиокассет и журналов – из *самой* Прибалтики. Однажды я все это собрала и пошла по тем редким знакомым, которых еще не видела в голодном полуобморочном состоянии. С вырученными у одноклассницы за мою любимую куклу деньгами я сходила в пекарню «Дока», вернулась домой и торжественно вручила маме, как принято было говорить, «*булку хлеба*». По пути домой, счастливая, прижимая еще теплый кругляшок в целлофановом пакете к груди, я увидела похоронную процессию: она тянулась, оставляя за собой еловые ветки.

Опять кого-то хоронят. На этот раз, должно быть, мою учительницу по природоведению: о ее смерти только и говорили накануне в школе (вроде бы почки отказали). Жутко признать, но я радовалась, что появилась тема для разговора, потому что обычно в последнее время мои одноклассники обсуждали меня. Счастьем было уговорить маму оставить меня дома и потом, боясь что-то пропустить, отлучившись в туалет, смотреть заворуженно «Беверли-

Хиллз», «Гром в раю», а если повезет, то чемпионаты по латиноамериканским танцам. Кто-то и правда так живет? Да не болтайте, *это просто шоу*.

Жизнь – она тут: когда нужно в 18:25 начинать высматривать из окна мусоровоз и давать сигнал маме, чтобы она успела спуститься с пятого этажа с ведром, взобраться по грязной лестнице к кузову «помойки» и выбросить отходы. Очистки от картошки, большей частью.

Однокашникам же я не угодила своим отстраненным отношением. Тем, что не «ставила» лаком челку, как другие девочки. Тем, что не замазывала прыщи тональным кремом. Тем, что ходила в рваных кедах и неизменно розовом свитере с красной полоской на обоих рукавах. Тем, что умничала на литературе, и тем, что меня называла звездой учительница по английскому.

– Когда ты уже свалишь обратно в свою Прибалтику, чмо? Держи ее вонючий рюкзак, Витек, давай его в пацанском толчке замочим!

Пенал мой был только что замочен слюной выдвинувшей соответствующее предложение Олеси (она, кстати, после школы переехала в Израиль и вскоре пала смертью храбрых в очередной войне).

Что ж, Олеся, изобретательно. На прошлой неделе ты велела закинуть мой и без того виды выдавший рюкзак в баскетбольное кольцо, а на позапрошлой его спрятали в школьном саду. Там-то меня и угостила первой сигареткой старшеклассница, когда я рыдала под яблоней, сокрушаясь из-за несправедливости.

– Скажи мне, Нина, за что они так со мной?

– Просто ты не похожа на других. И ходишь правда как охламон. Давай с нами побухать – сразу твои малявки зауважают.

Домой меня принесли в состоянии, что называется, в *говню*. Я была наказана месяц. А произошло вот что: за местной банькой вместе со старшеклассницами мы «приговорили» какую-то наливку (от подобной, кстати, у папы на работе коллега позже умер). За ней мне вручили бутылку «Балтики девятки», которую велели пить «через затыг».

Скоро о моем подвиге стало известно уже всей школе, и в столовой *на глазах у всех* мне купил булочку с сыром панк Коля, старшеклассник, сказав, мол, наверное, тяжело с похмелья в очереди стоять. Он жил в соседнем доме, и я его знала в лицо, как и всех остальных обитателей двора, но со мной он заговорил впервые: пригласил даже к ним на репетицию как-нибудь. Так позже началось мое бесконечное околачивание в компании людей со странными кличками: например, Мороз и, без шуток, Конь. Не хватало только Солнца и Дня чудесного. Они мне и привили любовь к песням типа «Среди ублюдков шел артист, в кожаном плаще мертвый анархист», сигаретам «Петр Первый» и сидению на лестничных площадках за разговорами о музыке. Точнее, о том, что мы *называли* музыкой.

Сейчас я пишу эти строки, а фоном играет сальса. Знал бы ты, Колян, что вместо драных штанов я ношу теперь изящные платья, которые стоят столько, сколько пара десятков ящиков твоего любимого пиваса, а вместо рок-распальцовки применяю стайлинг в парных танцах.

Помнишь, как мы с тобой, Колян, у меня дома в кладовке наливали в одну тару понемногу из всех бутылок домашнего вина, которое заготовил мой отец? Черничное, малиновое и клубничное – все лили в одну бутылку! А помнишь, когда мы встречали у меня последний мой в России Новый год и сильно засорился туалет, мы сначала черпали выходявшее говно кастрюлей и носили его в ванну, а потом ты, задолбавшись, стал бить в унитаз рукояткой лопаты?

Пусть земля тебе будет пухом.

Коля умер от туберкулеза через несколько лет после того, как я уехала навсегда. Я ему так и не успела сказать, что в той кастрюле сестра потом сварила борщ.

Тем временем из задрота я превратилась в школьную звезду. Поспособствовал этому мой переход, как говорит мама, из класса умных (физико-математического) в класс дебилов (обычный), чему я была несказанно рада: надо мной больше никто не издевался, более того, меня уважали.

Прыщи, кстати, я все же замазывать начала, и когда родители стали снова получать зарплату, выпросила у них новую кофту: черную футболку с физиономией Горшка, алкашного лидера группы «Король и Шут». Новые джинсы я сразу изгадила, проделав в них дырки и нарисовав отбеливателем знаки анархистов. В общем, старалась как могла, но все же следовала не всем заветам панков: они призывали, помимо прочего, не пользоваться туалетной бумагой (*да, попросту не вытирать жопу*) и не ходить в Макдак. Первое мне не подходило по объективным причинам, второе было неотъемлемой частью пребывания на прибалтийской Родине.

В какой-то момент я начала и краситься, особенно в ходу в ту пору была белая помада. Она мне вообще-то особенно не нравилась, но хотелось быть модной. Родители такой боевой раскрас не одобряли, приходилось прятать помаду и серебряный карандаш для век в тайнике в подъезде. Нетрудно догадаться, зачем такие жертвы: я влюбилась в одного из панков – Сергея Дернового, который, в свою очередь, был влюблен в мою лучшую подругу Лену и на мои томные взгляды под песни группы «Краски» на школьной дискотеке внимания не обращал.

Лена была миниатюрная, но с большими глазами и с сиськами еще больше. Ходила все время на каблуках (как это любят в Раше, миксовала их даже со спортивными штанами: теми самыми, с белыми полосками по бокам) и умела флиртовать. Я ей жутко завидовала. Знала бы я тогда, что через десять лет буду флиртовать на Лазурном берегу, а она – сидеть в той же деревне, только с двумя детьми и мужем-алконавтом, то была бы терпимее к ее бл*****наклонностям.

Она морочила Сереже голову, и мне было искренне непонятно, почему он не переключит свое внимание на меня: я ведь была в драных штанах, с белыми губами, посеребренными веками и такими же, как у него, музыкальными пристрастиями. Я даже челку «ставить» научилась: Нина помогла.

Сам Сережа Дерновой в итоге переехал в город побольше, подцепил парочку венерических заболеваний и так испугался, что, вылечившись, немедленно женился. Только дети у пары никак не получались, скандалы участились, и через пару лет они разошлись. А потом Сережа уехал за границу, вроде бы, сначала в Италию, а потом в Испанию. О его дальнейшей судьбе никто ничего не знает.

О моей тайной любви к Дерновому знала только Юля. Волос красивее, чем у нее, я больше никогда в своей жизни ни у кого не видела. Да и вообще девушек милее не встречала. Отец мечтал отправить Юлю учиться в Санкт-Петербург, и я ей завидовала, говорила, что наконец-то она выберется из этой дыры. Но дырой Юля ту деревню не считала, и когда после окончания школы пришло время делать выбор, девушка никуда не уехала. Со своей золотой медалью, здоровым румянцем и длинными густыми черными ресницами, обрамляющими большие голубые глаза, Юленька осталась жить там, где на тротуарах можно вляпаться в коровье дерьмо. Она отрезала и осветлила волосы, вышла замуж за сантехника на пять лет ее младше и ходит на работу по тропинке тридцать минут в одну сторону, пятьдесят в другую – с заходом в сельский магазин «Светлана».

Последний выкрашен в розовый цвет и считается центром жизни: детки тут ждут, когда подвезут мороженое (ванильные или шоколадные стаканчики безо всякой обертки с наклеенным лишь бумажным кругляшком поверх выпячивающегося из вафли мороженого), все остальные – алкахи, спрашивают, не паленая ли водка. Она стабильно, пару раз в год, оказывалась-таки паленой: кто-то травился, кто-то становился инвалидом, кто-то пропадал. Как моя одноклассница Настя.

Был чей-то день рождения, стоял октябрь, нам по пятнадцать лет – поехали в клуб в соседнее селение. Пьяные девки визжали, красно-белый грязный уазик заваливался на поворотах набок; Настя, видимо, вышла поплевать на одной из остановок, а никто и не заметил. Хватились только в понедельник в школе: пропала девочка. Нашли мертвую и изнасилованную далеко за телевышкой. Школа пребывала в шоке. Кто-то засунул под стекло с расписанием стихотворение, строки которого спустя столько лет так и не выветрились из моей памяти:

«Верил в твои я ладони, верил в твои глаза, Только слишком поздно тебе об этом сказал».

Ссылка наша тем временем подошла к концу – российская страница давно перевернута. Столько же не самых лучших лет мы провели на просторах исторической родины, сколько крыс нашли тогда на балконе по заезде. Вот ирония судьбы: столько же отбыл в сибирской ссылке мой покойный дед Иван, который умер задолго до моего рождения.

Странное дело, но в критические моменты жизни мои мысли то и дело обращались к судьбе этого по сути незнакомого мне человека: думая о том, как ему было страшно быть брошенным в вагон для скота, направлявшийся в Сибирь, а потом, пройдя все кошмары, умирать в одиночестве от гангрены, я находила в себе силы утирать слезы и идти дальше.

2008. Италия, Неаполь

Обычно Он был одет в бордовые джинсы, подпоясанные салатным шнурком вместо ремня, слегка потную серую майку, открывающую крепкие плечи, а на ногах были спортивные тапки Vans в черно-белую клетку, с толстой подошвой. На одной руке — татуировка Love, на другой — японские иероглифы. Хорош. Как Ева Лонгория. Только мужчина.

Иногда Он забегал к нам на работу: как выяснилось, со мной вместе трудился его знакомый. Он приносил ему и «как бы заодно всем остальным» пирожные собственного приготовления. Потом, когда я жадно втихоря доедала оставшийся кусочек какого-нибудь тирамису, то не уставала удивляться тому, что такой молодой парень так отменно стряпает. Знал бы он, что на первом курсе института я спросила у подруги: «А полчаса хватит, чтобы сварить яйцо?».

Когда я чувствовала, что он готов со мной заговорить, то быстренько ретировалась, потому что сердце стояло в горле, ноги буквально подкашивались, воздуха не хватало, а краска заливала даже уши. Мне казалось, что они увеличивались в размере. Я сидела в туалете, беспрестанно щупая их, ровно десять минут: знала, что за это время он уйдет и мне не придется, заикаясь, отвечать на вопросы о состоянии моей головы.

Нас свел несчастный случай, связанный как раз с головой: на меня упало окно, а в приемном покое тем, кто вез меня на каталке на томографию, оказался он (его взяли сюда на неофициальную подработку: выносить утки, драить туалеты и перекладывать неподъемных пациентов). Да, в Италии, а точнее в Неаполе, возможно и не такое: окна в гостинице падают при открытии, в больницах за нал по-тихому моют пол иммигранты. *In Italia ci sono cose che nessuno ti dirà*⁴. Кстати, томографию мне так и не сделали: веселый доктор велел закрыть глаза, представить перед собой прямую линию и прошагать по ней.

– Ой, ну какая тут томография! Шагаешь прямо, так что давай, *bella*⁵, просто винца да поспать.

Такому предложению я и не удивилась, потому как с компетентностью персонала столкнулась уже в приемной, когда администратор, рассматривая мой документ, спросила: «Эстония – это часть Румынии?»

Если возвращаться с работы дорогой, что на минут семь длиннее обычной, то пройдешь мимо скейт-парка, куда Он частенько заглядывал после больницы. Вот и сейчас я как бы случайно иду мимо. Сегодня его здесь нет, думаю я, и тут чувствую шлейф знакомого запаха, на который немедленно реагируют мои уши.

– Приглашаю вас на ужин, мисс. Сейчас.

Мне поставили стул посередине комнаты: вокруг сидят его мама, бабушка, две сестры, их мужья, племянник с племянницей – последним лет двенадцать-тринадцать. Я заметила, что у детей страшные шрамы: у девочки на руках, а у мальчика на ногах. Как будто их покусал

⁴ Из известной песни популярного рэпера Италии Фабри Фибра: «В Италии есть то, о чем тебе никто не расскажет». <https://www.youtube.com/watch?v=BRMNR7LwXGU>

⁵ красивая (итал.)

какой-то дикий зверь. Я заставила себя отвести взгляд, хотя тайно надеялась, что его кто-то заметит и все объяснит. Но ничего подобного не последовало, а Он так на меня посмотрел, что стало ясно: любопытство тут неуместно.

Пока Он готовил на ужин карбонару, семья с берегов Амазонии с интересом меня разглядывала. Ах, *vaffanculo*⁶, я не могла и предположить, что трапеза на первом же свидании пройдет в полном родственников доме. Он, кстати, был маловат для этой толпы: девять человек, кот и кролик располагались от силы на семидесяти «квадратах». Но что интересно: они, казалось, были абсолютно довольны и условиями, и обществом друг друга.

Допрашивать меня на сплаве испанского, итальянского и английского они прекратили в ту секунду, когда по телевизору начался футбольный матч с участием Мексики: мою шутку о том, что нужно немедленно всем организовать по сомбреро и «Маргарите», никто не оценил.

Я примолкла и стала наблюдать за якобы спящим котом, который наслаждался вниманием кролика: тот мельтешил вокруг, а когда подошел слишком близко, усатый открыл глаза, медленно вытянул лапу и резко ударил ею по ушам кролика. Тот бросился бежать – кот за ним. Я рассмеялась, а потом поняла, что единственная была свидетелем сцены: все остальные смотрели футбол и увлеченно что-то обсуждали. Я отметила про себя, что в русскоязычной компании люди никогда бы не оставили гостя вот так, без внимания.

Потом мы с Ним долго целовались на улице, и когда я вернулась домой в два часа ночи, то перемыла все кружки с содой (так я делаю всегда в начале отношений: отмываю застаревшие следы чая, чтобы меня не посчитали свиньей) и сделала уборку. Я уже была готова к продолжению, но не на его территории: там я чувствовала себя чужой.

Все-таки в наших краях гостя принято всячески развлекать, здесь же никто даже не пытался: мое смущение отзеркалило недоверием обитателей того дома. На фоне Его упитанных сочных сестер со здоровым румянцем я смотрелась больным анорексиком. Говоря с его матерью, я почувствовала, что меня принимают за глупышку, не знающую жизни. Зачем работать волонтером? Затем, чтобы бесплатно путешествовать. А зачем вообще путешествовать?

⁶ «Иди на *уй» (итал.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.